

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СИЛОВОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А.И. Подберёзкин, А.В. Жуков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

В статье публичная дипломатия рассматривается как совокупность действий, совершаемых официальными и неофициальными органами государства, для достижения внешнеполитических целей посредством распространения информации (дезинформации) или формирования необходимого влияния на правящие круги и общественность зарубежных стран. По мнению авторов, публичная дипломатия стала неотъемлемой составляющей сетцентричной гибридной войны, в которой роль информационного воздействия на противника становится определяющей. В начале XXI в. СМИ, включая сетевые, превратилась в важнейшие политические инструменты, с помощью которых можно было добиться важнейших целей, которые решались прежде другими (экономическими, военными, финансовыми) политическими инструментами. Такое резкое усиление значения СМИ, а также качественное изменение их роли в политике государств в XXI в. является прежде всего следствием двух процессов, дальнейшее развитие которых будет в еще большей степени усиливать как значение, так и роль СМИ в политике государств – резкого усиления значения человека, его потенциала, и технологической революции в области информатики.

Ключевые слова: публичная дипломатия, сетцентричная война, СМИ, информация.

Существует общепринятое мнение, что дипломатия как традиционное средство внешней политики, представляющее собой совокупность конкретных мероприятий, приёмов и методов, применяемых официальными и иными органами, для достижения определённых политических целей включает в себя также достаточно новое явление – публичную дипломатию. На самом деле, все обстоит как раз наоборот: традиционная дипломатия стала в XXI в. частью более широкого понятия – «публичная дипломатия», – включающего самый широкий спектр средств и методов политики – от открыто террористических до гуманитарных.

Сразу необходимо оговориться о неточности такого определения, по поводу которого существует немало противоречивых мнений. Считается, что «в международных отношениях термин «общественная дипломатия» (или «публичная дипломатия», *public diplomacy*) возник для обозначения аспектов международной дипломатии, не относящихся к взаимодействию между государственными структурами. Общепринятого определения «общественной дипломатии» пока не существует.

Одно из наиболее ранних (1965 г.) принадлежит декану Школы права и дипломатии Университета Тафта Эдмунду Галлиону, обозначившему этим термином «программы, финансируемые правительством, направленные на информирование и воздействие на общественное мнение в других странах» [2].

Одним из наиболее точных определений общественной дипломатии является «продвижение национальных интересов через информирование, завлечение и влияние на людей» [3].

На самом деле публичная дипломатия существовала с самого начала появления организованного человеческого сообщества. Ещё до возникновения государственной дипломатии, как формы взаимодействия между государствами, на уровне родо-племенных отношений те или иные лица были заинтересованы в оказании влияния на определённый круг людей (групп, сообществ) и создания определённого мнения о себе, своем окружении и поведении.

И в Древней Греции, и в Римской империи, существовали самые различные средства и методы формирования благоприятного общественного мнения – от гладиаторских боев и бесплатной раздачи хлеба до подкупа отдельных слоёв населения. В Новгородской республике ещё в X–XII вв., были специальные люди, которые должны были «перекричать всех на века», специальные – для распространения слухов.

Естественно, что в последующие столетия публичная дипломатия не исчезла из политической практики, но на разных этапах развития общества и государства она играла разную роль и существовала в самых разных формах. Можно говорить, что в XXI в. для неё наступил новый этап, когда она превратилась из средства обеспечения политической деятельности в решаю-

щее по своему значению средство политической деятельности, вытесняющее и интегрирующее в себе другие формы, включая самые традиционные и радикальные.

В определённом смысле произошло «сжатие» других политических и дипломатических средств, их превращение в дополнительные средства для публичной дипломатии.

В конце XX – начале XXI в. мы наблюдаем как при сохранении тех же политических целей меняется роль средств официальной и публичной дипломатии. По мере исчезновения абсолютной роли международного права при возникновении доминирования западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ) в конце XX в., снижались и значение официальной дипломатии как главного средства политики и, соответственно, росло значение публичной дипломатии. Это особенно ярко видно на примере кризиса на Украине в феврале 2014 г., когда официальная дипломатия (в лице действовавшего Президента Украины В. Януковича и представителей главных стран ЕС) договорились о некоем компромиссе, который в тот же день был сломан усилиями целого набора средств публичной дипломатии (от политического давления США, атаки СМИ, действий вооружённых банд т.д.

Публичная дипломатия является в конечном счете большой набор внешнеполитических средств, значительно более разнообразный, чем перечень традиционных дипломатических мер и средств, но, в конечном счёте, подчиненных внешней политике государства и её интересам безопасности. Активизация роли публичной дипломатии в XXI в. связываются нередко с необходимостью расширения коалиционного сотрудничества в рамках нарастающего процесса формирования военно-политических и финансово-экономических союзов локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ) [10, с. 11–25].

При этом подобное расширение спектра и функций публичной дипломатии иногда рассматривается как простое стремление к увеличению популярности и привлекательности той или иной системы ценности и продвижения интересов страны-лидера ЛЧЦ. Политологи отмечают переход публичной дипломатии в новое качество «новой публичной дипломатии», на котором представляется необходимым остановиться подробнее [2].

«Новая публичная дипломатия» представляет собой в действительности набор принципиально новых средств и мер политики, во-первых предназначенных для достижения внешнеполитических целей в новых геополитических условиях, а, во-вторых, в качестве части новой геополитической стратегии западной ЛЧЦ – стратегии сетецентрической войны.

Если говорить коротко о новых геополитических условиях, сформировавшихся в начале XXI в., то они могут быть названы как обострение МО и ВПО из-за стремления Запада сохранить скопившиеся военно-политические и

Изменение роли и значения публичной дипломатии в XXI веке

Главные цели публичной дипломатии во второй половине XX века:	Главные цели публичной дипломатии в начале XXI века:
1. Дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в социалистических странах; 2. Продвижение системы ценностей западной ЛЧЦ; 3. Формирование оппозиции внутри социалистического блока.	1. Дезорганизация государственного управления, отказ от суверенной внешней и внутренней политики; 2. Смена системы ценностей и представлений о национальных интересах; 3. Смена политических элит на контролируемые со стороны западной ЛЧЦ.
Основные ресурсы:	Основные ресурсы:
1. Государственные средства внешней политики, СМИ и специальные средства; 2. Поддержка групп оппозиции в социалистических и развивающихся странах.	1. Масштабное использование государственных, частных и общественных ресурсов, всех СМИ, специальные средства не только разведсообществ, но и других министерств (МО, например, финансов и др.) и ведомств; 2. Создание специальных сил и групп внутри противостоящих сообществ, способных вести силовую, в т.ч. вооруженную борьбу.
Стратегия:	Стратегия:
Пропагандистско-информационное обеспечение внешнеполитической стратегии США и стран НАТО.	Сетецентрическая стратегия, предполагающая интеграцию всех средств публичной дипломатии с силовыми и вооруженными средствами коалиции западной ЛЧЦ.

финансово-экономические системы в условиях изменения соотношения сил [11, с. 19-73].

Если говорить о новой стратегии Запада в этих условиях, то можно (в концентрированном виде) сформулировать её как комбинацию политико-силовых и вооружённых средств в единую сетецентрическую стратегию, что, естественно, означает изменение места, роли и значения как традиционной дипломатии вообще, так и публичной дипломатии, в частности [10, с. 31].

В целом логику изменения роли и места публичной дипломатии в XXI в. позволяет говорить о качественно новом значении этих средств, что можно отобразить следующим образом (см. табл. 1).

Публичная дипломатия, таким образом, включает в себя бесконечный перечень потенциально возможных средств воздействия и участников – от официальных лиц, до деятелей науки, культуры, образования, представителей СМИ – которые становятся фактически основой для проведения не только политики «мягкой силы», но и в целом силовой стратегии, направленной на усиление военного противоборства, и в этом смысле частью государственной внешней политики [3]. Эта часть средств политики рассматривается сегодня как важнейший внешнеполитический ресурс, точнее, – ресурсы. Так, например, социальные сети стали даже причиной возникновения нового термина «твипломаси». В США уже в 2012 г. фолловерами официальных лиц было 43 млн человек (а в России, для сравнения – 2,5 млн).

О масштабах деятельности агентов публичной дипломатии судить крайне сложно, но некоторые оценки заставляют насторожиться. Считается, например, что западные НПО финансируются непосредственно государством на 40%, а в России – менее 10%.

Другой феномен – «твипломаси», – когда политические и общественные лидеры используют для своей дипломатии социальные сети. Так, среди 20 мировых лидеров в этой области весной 2015 года были Римской папа, президенты США, Турции и Азербайджана, а все мировые лидеры имели в это время более 210 миллионов последователей, из которых на американского президента приходилось более 56 млн, Римского папу – почти 20 млн, премьер – министра Индии – 10 млн чел. и т.д.

Таким образом публичная дипломатия представляет собой мощный новый политический ресурс, чьи масштабы и эффективность в XXI в. становятся не только вполне сопоставимы с государственными ресурсами, но и уже превосходят их, так как включают в себе, (в отличие от XX в.) ресурсы не только государства, но и бизнеса, общества и даже ресурсы других стран. По сути дела они являются значительной частью ресурса всей военной организации ЛЧЦ и нации и набором очень эффективных политических средств. В последней четверти XX в. эти средства получили, как уже говорилось, название «мягкой силы», что не вполне точно отражает их характер и политическое значение в силу их неопределенности значения и их реальной роли в политике [14].

В российской внешней и военной политике этот ресурс использовался в последние десятилетия очевидно недостаточно, да и сами его масштабы и функции были сознательно снижены в 90-е гг. XX в. до уровня, который не удастся восстановить вплоть до настоящего времени: разрушены целые государственные и общественные институты (Комитет и Фонд защиты мира, Комитет молодежных организаций, Комитет солидарности стран Азии и Африки и т.д.), а оставшиеся – существенно снизили свою активность и функциональные возможности [8].

По мере усиления значения национального человеческого капитала (НЧК) и стремительного развития его институтов в XXI в., превратившихся в решающий фактор мировой политики наравне с субъектами и акторами МО значение этих ресурсов и акторов в мировой политике становится решающим таким образом, как и их значение в качестве средств противодействия чужой внешней и военной политики [1, с. 23]. Это особенно заметным стало на примере тех социальных революций, получивших название «цветные».

Более того, появление такого феномена публичной дипломатии как транснациональные акторы, совершенно по-новому ставит проблему определения **цели** их деятельности, **последствий** такой деятельности и **ответственности** за такую деятельность [7]. Так, ИГИЛ, например, очень характерна с этой точки зрения: её цели, последствия и ответственность в деятельности остаются не просто опасными, но и до сих пор до конца не выясненными.

Значение тех или иных средств публичной дипломатии во многом предопределяет их выбор в политике. Значение этих средств стремительно усиливается с развитием нового, информационного, этапа научно-технической революции, приобрело в начале XXI в. новое качество. В XXI в. эти средства порой не только дополняют, но и даже вытесняют традиционные политические инструменты, включая силовые, но, как правило, они оказываются особенно эффективным при их «комплексном» использовании.

Выбор того или иного средства публичной дипломатии из всего набора политических средств (военной силы, санкций, информационного давления и т.д.) зависит от целого ряда обстоятельств, которые, в конечном счёте, и определяют то или иное значение средств публичной дипломатии. Так, в условиях разгорающейся войны в Сирии в 2011–2014-х гг. Россия, как правило ограничивалась политико-дипломатической поддержкой официальной власти и, отчасти, военно-технической помощью, предусмотренной соответствующими соглашениями. В сентябре 2015 г. спектр традиционно дипломатических средств был расширен до оказания прямой военной и информационно-пропагандистской помощи, т.е. выбор средств был существенно расширен. Причина была очевидной: без такой поддержки режим Асада уже не мог бы долго продержаться.

Выбор тех или иных средств и методов публичной дипломатии очевидно также зависит от имеющихся ресурсов – экономических, военных, информационных и других. Так, один самолёт-вылет авиации России в Сирии требовал до 10 т топлива, до 12 т боеприпасов, а также других ресурсов, что в целом означало за сутки не менее одного железно-дорожного эшелона расходных материалов, не говоря уже о финансовых и иных издержках.

Выбор тех или иных средств публичной дипломатии во многом также предопределяется теми направлениями в социально-экономической жизни оппонента (коалиции), на которые требуется в наибольшей степени воздействовать. Так, социологические опросы в 2015 г. в России показывали, что наиболее актуальными проблемами для граждан были:

- проблемы развития российской экономики;
- развития социальной помощи населению;
- повышение благосостояния народа;
- усиление престижа России в мире и др.

Именно по этим направлениям и действовал Запад, вводя санкции против России в 2014–2015-х гг., пытаясь задеть наиболее чувствительные области.

Именно финансовые, экономические и гуманитарные санкции в качестве основных средств публичной дипломатии играли основное значение в 2015 г. Это однако отнюдь не означало, что другие средства не использовались. Совсем наоборот: военные демонстрации (полёты самолетов, заходы судов), развитие военной инфраструктуры, усиление информационно-психологического давления и пр. средства публичной дипломатии применялись системно и целенаправленно в рамках стратегии сетцентрической войны против России [10], но **значение** этих средств было не столь приоритетным [11].

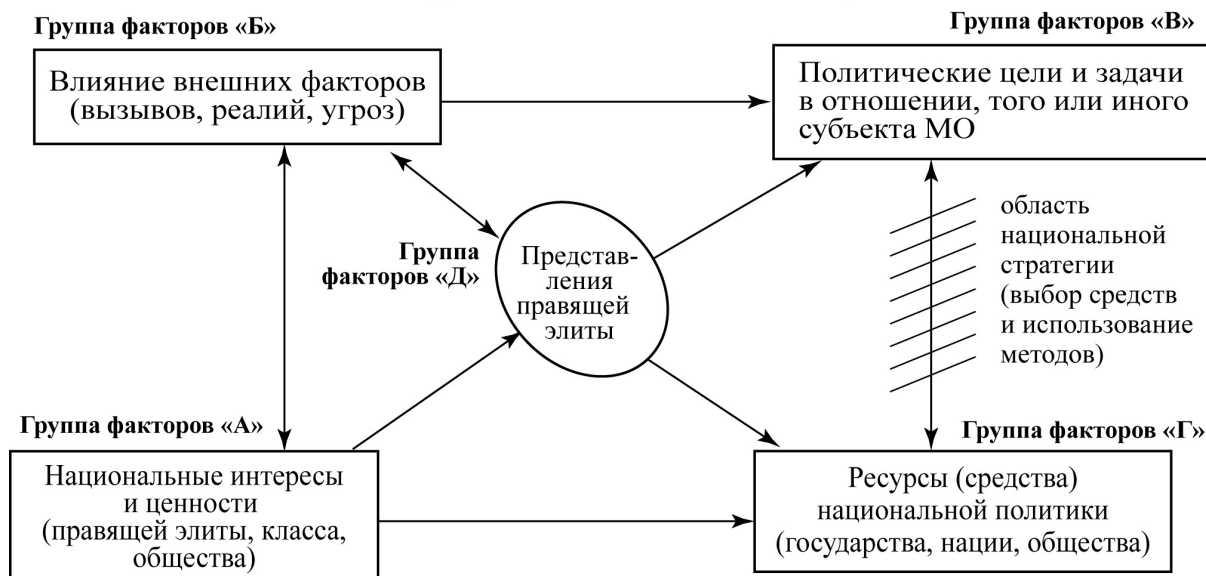
Выбор тех или иных средств, таким образом, определяется целями и возможностями (ресурсами) того или иного государства (коалиции) и их противников. Не существует изначально «только эффективных» или «неэффективных» средств: в политике все определяется не только общей международной обстановкой (МО) или её частью – военно-политической обстановкой (ВПО), – но и конкретной стратегической обстановкой (СО).

Естественно, что для этого необходимо точно знать свои и чужие возможности – политические, дипломатические, экономические, военные, иные, – которые могут быть использованы в противостоянии, что является конечным результатом деятельности множества государственных ведомств и специальных служб.

Пока что публичная дипломатия нередко воспринимается в качестве «дополнения» к другим политическим средствами или даже «побочное» средство, хотя, в действительности, она давно уже стала их **общим знаменателем**, синтезом. Сегодня публичная дипломатия, цель которой – воздействие на общественное мнение и формирование объективного имиджа своей страны за рубежом, представляет собой целый «космос», где действуют политики, деятели культуры, науки, образования, СМИ, НПО, пользователи социальных сетей», – пишет известный исследователь этой проблемы профессор Т. Зонва [4, с. 170]. В самом общем виде их можно было бы представить на следующем рисунке имея в виду,

**Средства и методы публичной дипломатии
(средства и методы политики)**

что лучше бы им соответствовало определение «средства политики».

Как видно из рисунка значение средств и методов публичной дипломатии (группа факторов «Г») определяется их местом в национальной стратегии с точки зрения эффективности для достижения политических целей и задач (группа факторов «В») сформулированных правящей элитой (группа факторов «Д») в зависимости от конкретной международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) [12]. Другими словами, из всего спектра средств и методов отбираются те, которые:

- во-первых, наиболее эффективны для достижения цели и решения конкретных задач;
- во-вторых, соответствуют сегодняшней МО, ВПО и СО;
- в-третьих, имеются в наличии (или могут иметься в будущем).

Этот выбор предопределен избранной политической стратегией. Так, избранная сетцентрическая стратегия США предполагает **использование одновременно всех средств и методов**.

Таким образом, если со второй частью суждения профессора Т. Зоной – оценки набора средств публичной дипломатии как «космоса» безусловно, можно согласиться, – то с первой частью – целью публичной дипломатии только как «воздействие на общественное мнение» – нет. Публичная дипломатия – комплекс всех политических средств (от собственно дипломатических, до военно-силовых, экстремистских и террористических), предназначенных для достижения конкретной политической цели. Причем ясно выраженной границы между этими средствами не существует, а все усилия государств в XXI в. направлены на то, чтобы уничтожить и те немногие, оставшиеся пока еще границы, добиться синтеза силовых средств в единой сетцентрической стратегии [10, с. 52-53].

При этом нередко эти средства пытаются превратить в демократическую цель, некую абстракцию, представляющую собой «самоценность», ради которой и делается политика. Как, например, это следует из приведенного выше высказывания Б. Обамы, которое не несет на себе сколько-нибудь серьезной смысловой нагрузки кроме одной – очередного доказательства идеального образа США как примера для подражания во всем мире.

Иногда трудно понять логику развития тех или иных политических событий в мире и объяснить её с точки зрения стратегии тех или иных государств, имеющих к ним на первый взгляд самое прямое отношение. С точки зрения стратегии, это значит выбор политических целей и выбор наиболее эффективных средств. В частности, если речь идёт, например, о внешней политике США на Ближнем Востоке и их отношению к ИГИЛ, где эту политику можно описать следующим образом: «вооружение по ночам и бомбежка по утрам». Поэтому изначально важно точно определить цели такой стратегии и наиболее приоритетные задачи, вытекающие из этих целей и стратегии, получившей название «сетцентрической стратегии» [10, с. 11-13]. Только в этом случае можно попытаться представить себе весь возможный спектр допустимых средств и методов силовой, военной и комбинированной политики.

Всё становится предельно ясным, если для этого попытаться сформулировать глобальные, наиболее общие цели стратегии США в мире, где частная стратегия США, например, по отношению к ИГИЛ является именно частной стратегией, подчиненной глобальной стратегии. Соответственно и конкретные средства такой политики подчинены частным политическим целям и стратегиям. Никто, не будет из-за множества возможных противоречий каждый раз

использовать военную силу в прямой форме, т.е. в качестве вооруженного насилия. Спектр силовых средств бесконечно расширяется, превращаясь ежегодно, ежечасно во всё новые формы комбинированного силового воздействия государств, акторов и даже искусственно созданных международных субъектов [11]. При этом грань между силовыми и военными средствами политики становится всё более условной. Так, например, решение Б. Обамы в конце октября 2015 г. направить в Сирию до 50–100 специалистов-инструкторов», несёт на себе как политический, так и военный характер.

С политической точки зрения это решение является, безусловно, актом публичной дипломатии, который демонстрирует:

- демонстративное игнорирование законного правительства Сирии и режима Х. Асада;
- игнорирование международных институтов (Совета Безопасности ООН);
- публичная поддержка оппозиции Х. Асаду;
- публичное противодействие операциям ВКС России.

Одновременно это решение Б. Обамы является и военно-силовым решением. И не только потому, что военные инструкторы США (боевое подразделение) будут находиться на территории Сирии, но и потому, что их присутствие должно обеспечивать защиту от ударов ВКС России.

Параллельно расширяется и спектр средств вооруженного насилия с тем, чтобы предоставить субъекту (или актору) максимально широкий выбор инструментов политического влияния. С определенной степенью условности этот процесс можно изобразить следующим образом.

Из рисунка видно, что в XXI в. публичная дипломатия не только расширила спектр своего применения, но и начала порой вытеснять традиционную дипломатию и традиционные силовые средства.

Вместе с тем пока что можно говорить о том, что синтез традиционных силовых средств, дипломатии, публичной дипломатии и информационно-психологической войны, как показывает практика, оказывается наиболее эффективным. Это видно, например, из действий российских ВКС, сирийской армии, информационно-психологических мероприятий и использования ВТО в Сирии после 30 сентября 2015 г.

Взаимодействие средств публичной дипломатии, психологической войны, высокоточного оружия и специальных сил – т.е. всего «набора» средств сетецентрической войны очень хорошо видно на примере действий сирийских вооруженных сил и средств ВКО России после 30 сентября 2015 г. В частности, появление в распоряжении Сирийской арабской армии (САА) новых высокоточных средств разведки и огневого поражения позволяет защитникам Сирии прибегать к новой тактике уничтожения террористов.

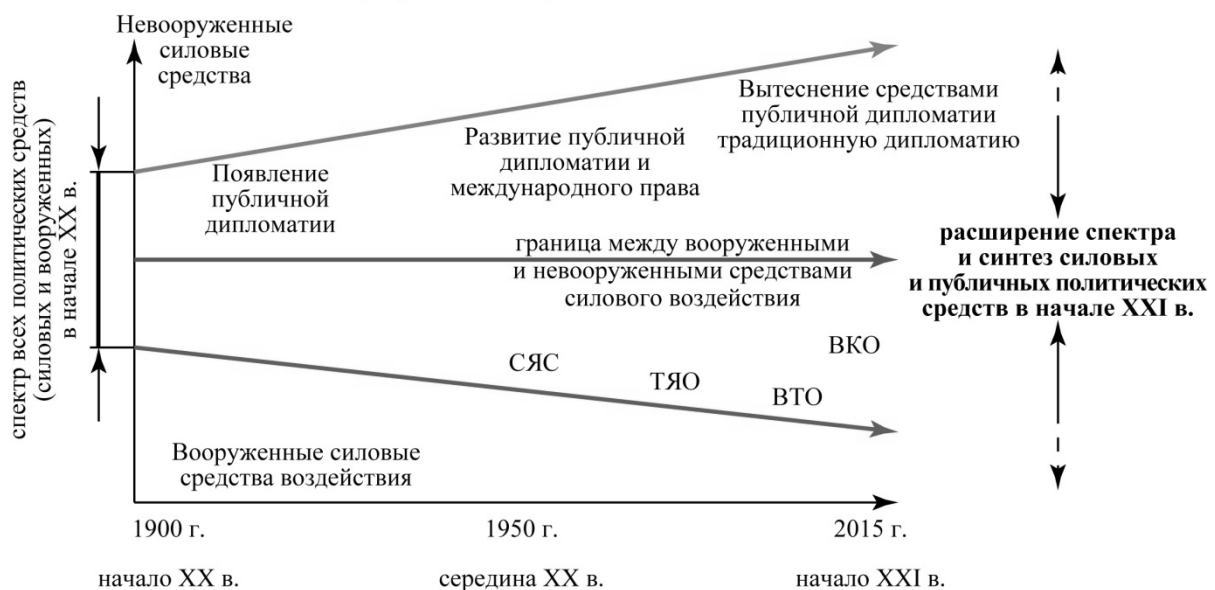
Так, на первом этапе, наступление САА развивается после авиационных и артиллерийских ударов, а также специальных операций по ликвидации полевых командиров террористических группировок и проведению диверсий против их инфраструктуры: систем связи, управления и обеспечения.

На втором этапе операциям сирийских войск по освобождению оккупированных боевиками территорий предшествуют проведение информационных и пропагандистских мероприятий. Таким образом мирному населению и даже боевикам предоставляется возможность уйти из зоны наступления.

Иногда, заняв тот или иной населенный пункт, сирийские войска создают видимость отступления из него, для того, чтобы избежать жертв.

Что касается крупных населенных пунктов,

Процесс расширения спектра силового воздействия государств и акторов в XX и XXI веках

■ Мировая политика

то их попросту изолируют, захватив господствующие высоты и дорожные развязки.

На третьем этапе готовятся условия для реализации этой новой тактике в оккупированных ИГИЛ районах, а именно: все передвижения террористов отслеживаются. В случае их концентрации в той или иной местности по ним наносится точный удар силами авиации и артиллерии. Именно так были уничтожены отряды, пытавшиеся снова проникнуть в Ачан и Сукейк в районе севернее Хамы, а также группировка, попытавшаяся обратно занять населённый пункт Джуб аль-Ахмар в горах на севере провинции Латакия.

Большое значение имеет взаимодействие появившихся у САА беспилотных летательных аппаратов с артиллерией, которая значительно усилила свой огневой потенциал и точность.

Однако подобная тактика лучше подходит для равнинной местности. В горах преимущества сирийской армии в разведывательном и огневом обеспечении снижаются. Поэтому правительственные войска заинтересованы в выдавливании террористов на равнину для их последующего уничтожения либо, в Турцию или другие соседние страны. С этим, однако, возникают проблемы: с недавних пор турки значительно ограничили возможности перемещения террористов и даже начали минировать участки сирийско-турецкой границы. На этом этапе особое значение приобретают средства публичной дипломатии воздействия на Турцию.

Взаимосвязь экстремизма и терроризма как средств публичной дипломатии во внешней политике

В ноябре 2015 г. председатель КНШ США высказал мысль о том, что Россия представляет для США большую угрозу, чем терроризм, в частности, ИГИЛ. Это не случайно. Действительно – экстремизм как крайние политические взгляды и меры в XXI в. стал органической частью публичной дипломатии США и ряда других стран, как это может ни показаться странным с самого первого взгляда. Несовместимости методов экстремизма и терроризма с методами публичной политики сложилось искусственно в период, когда пытались создать иллюзию господства международного права. По сути дела экстремистские и даже террористические взгляды и методы являются всего лишь крайними (т.е. наиболее агрессивными) взглядами и методами практической политики, но отнюдь им не противопоставляются ни теоретически, ни методологически, ни практически. А, значит, и не исключаются изначально из арсенала всех политических средств.

Более того, действующая сетевая стратегия западной ЛЧЦ, предполагает максимальное расширение всего спектра силовых средств, признает и стимулирует в своих ин-

тересах создание и развитие «наиболее эффективных» экстремистских взглядов и методов. Не секрет, что многие террористические и экстремистские группировки создавались спецслужбами США и других стран, либо поддерживались ими.

Это следует иметь ввиду потому, что современное военно-политическое противоборство предполагает расширение спектра сил и средств экстремистского и террористического характера в политике по отношению к другим государствам, превращение таких средств и методов в своего рода новый вид вооруженных сил, применяемых в так называемых «проху войнах». Сказанное означает, что:

- во-первых, экстремизм и терроризм не только расширяет спектр силовых средств политического противоборства, но и фактически легализует их в качестве специальных операций вооруженных сил государств или руководимых ими международных акторов;

- во-вторых, борьба с «мировым терроризмом и экстремизмом», объявленных в качестве важнейших угроз безопасности в начале столетия, сознательно вводит в заблуждение общественное мнение, так как является борьбой государств только с враждебными им террористическими группировками. Такая «борьба» предполагает одновременно как поддержку, так и создание собственных террористических и экстремистских группировок (которые, как правило, позже выходят из-под контроля);

- в-третьих, экстремизм и терроризм легализуются в качестве средств публичной дипломатии в прямом противоречии с нормами международного права. «Хорошие» террористы (талибы, ваххабиты, прочие «борцы за свободу»), как, например, чеченские бандформирования, сознательно поддерживаются зарубежными государствами;

- в-четвертых, основной акцент государств делается на создании под-контрольных экстремистских НКО и СМИ, способных обеспечить ведение войны в режиме «проху war».

У военных историков принято вести отсчёт разных поколений войн по мере используемого в них разных видов оружия и вооружения: от холодного, огнестрельного и быстрострельного, химического и до современного – ракетно-ядерного оружия. В современных условиях террористами могут использоваться все их виды, кроме последнего поколения. Нельзя, впрочем, исключать, что в скором времени террористы могут овладеть и оружием массового поражения (ОМП). Пока же они довольствуются таким «оружием массового устрашения», как террор во всех его проявлениях. В условиях ведения так называемых гибридных войн при запутанности причин и целей многих конфликтов и кризисов на Ближнем Востоке «Исламский халифат» при всей его вандалистской сущности оказывается очень востребованным для решения своих тактических задач».

Экстремизм – как идеология и политическая практика – представляет собой не только взгляды, идеи и концепции, но и набор конкретных средств и методов из использования, которые являются **частью** общего арсенала средств и методов публичной дипломатии. Вопрос заключается не столько в том, какие это средства, сколько в **готовности** их использования. Если среди средств публичной дипломатии того или иного государства изначально предполагается создание и применение таких средств, т.е. к их использованию изначально готовятся, то это означает, что спектр средств публичной дипломатии этого государства предполагает возможность (или даже изначально планирует её) их применения.

Из всего вышесказанного следуют следующие выводы:

1. Противодействие идеологии терроризма и экстремизма предполагает, прежде всего политико-идеологическое противодействие, как минимум, наличие другой идеологии, которая будет еще более привлекательной и эффективной, чем идеология терроризма и экстремизма. Соответственно, если у вас нет такой идеологии, то у Вас и нет такого инструмента противодействия. В конце октября 2015 г. на совещаниях различного уровня и в разном составе, пожалуй, впервые руководство России, Совета безопасности РФ и ФСБ озвучило (причем неоднократно) эту мысль публично.

К сожалению, следует признать, что это несколько запоздало: запрет на государственную идеологию, существующий в Конституции РФ, рассматривается нередко как отказ вообще от идеологии. Эта трактовка активно поддерживается либеральными кругами, сохранившими свое влияние во власти.

2. В этой связи необходимо вернуться к тому, что мы называем и что понимаем под термином «идеология». Идеология – это система взглядов, способ понятийного мышления, когда то или иное явление рассматривается в его сути, взаимосвязи с другими, прогнозируется и оценивается в своих последствиях. Идеология – это также и наиболее эффективная система управления, в том числе, способная противодействовать противнику.

3. Идеология экстремизма и терроризма составляет их суть, основу, без которой эти явления не могут носить полноценный и массовый политический, а значит и опасный характер. Соответственно и бороться надо прежде всего с идеологией экстремизма и терроризма при помощи другой идеологии. Причем носители такой идеологии как правило, не только находятся под контролем соответствующих спецслужб, но и создаются, и поддерживаются ими (как это существует на Украине и в Сирии).

Анализ современной международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) показывает тесную взаимосвязь методов публичной дипломатии и экстремизма. Более того,

еще раз подчеркивает, что вторые являются частью всего инструментария первого. Этот анализ **проявляется в следующих тенденциях:**

1. Изменение соотношения сил между локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ) и центрами силы в мире, прежде всего, между западной ЛЧЦ, китайской, российской и индийской.

2. Стремление силой, в том числе с помощью военной силы, сохранить контроль над финансово-экономическими и военно-политическими системами со стороны западной ЛЧЦ.

3. Военная сила вновь становится востребована Западом, что означает возвращение военной силы в политику, включая прежде всего специальные ее формы.

4. Международные правовые и политические институты заменяются военной силой под давлением Запада, превращаясь в архаичное.

5. Усиление значения невоенных инструментов насилия: искажение объективных реалий, создание новой «виртуальной реальности», использовании СМИ, сетевых средств, в качестве инструментов силы.

Учитывая эти новые тенденции и стратегический прогноз развития средств публичной дипломатии, можно сделать выводы об основных направлениях в развитии возможных направлениях в развитии возможностей противодействия. Речь идёт, прежде всего, о трёх направлениях деятельности:

1. **«Необходимости национальной мобилизации».**

2. **«Мир это война».**

3. **«Виртуальная реальность» вместо реальности».**

Остановимся на этих направлениях подробнее. Первое направление – «необходимость национальной мобилизации» – предполагает концентрацию деятельности для решения следующих задач:

– чёткое определение общенациональных целей и приоритетов, отказе от абстрактных целей, которыми руководствовались в последние десятилетия: «демократия», «перестройка», «макроэкономическая стабильность», «комфортные условия для жизни» и т.д. Необходимо ясно и недвусмысленно сформулировать приоритет развития нации в современном мире (в форме показателей НЧК) и обеспечения национальной безопасности – выживания, сохранения идентичности и суверенитета;

– концентрация имеющихся национальных ресурсов для достижения поставленных целей, причем не только финансовых и материальных, но и интеллектуальных, идеологических и духовных;

– мобилизация правящей элиты России, тех ее слоев, которые готовы бороться за суверенитет и сохранение идентичности.

Другое направление – признание современных реалий, в частности, состояния совре-

■ Мировая политика

менных МО и ВПО как гибридного состояния «войны и мира».

Наконец, третье направление – осознание господства в качестве политической реальности «виртуальных конструкций», изобретений пропаганды и информационно-психологических средств ведения войны.

Сетевые СМИ и публичная дипломатия

Сетевые СМИ стали практическим и очень эффективным ресурсом (инструментом) внешней и военной политики, который за последние десятилетия радикально изменил свой характер и значения. Если до последней трети XX в. СМИ в целом являлись средством информирования, обратной связи власти и общества, независимой экспертизы и даже нравственной оценки действий власти, бюрократии и бизнеса, то в XXI в. они сами превратились в инструмент создания «виртуальной реальности» и формирования необходимой в будущем политической реальности и эффективное прикладное средство политики. Логически этот процесс изменения функций СМИ в XXI в. можно изобразить следующим образом (попытавшись оценить это их влияние по шкале от 1 до 10 баллов).

Основные функции СМИ в XX и XXI в.

	XX век	XXI век
1. Информирование власти и общества	10	3–5
2. Обратная связь	9	4–5
3. Дезинформация общества	3–5	7–9
4. Дезинформация правящей элиты	2–3	7–9
5. Искусственное формирование реалий (образа)	3–5 («Империя зла»)	9–10

Соответственно изменилась и направленность, и характер деятельности СМИ, которые трансформировались из средства «оценки реальности» в «средство конструирования виртуальной реальности».

Этот процесс трансформации СМИ в XX и XXI вв. шел параллельно и в рамках процесса трансформации традиционных средств дипломатии в средства публичной диплома-

тии, о чем очень точно написала профессор МГИМО-Университета Т. Зонова «О публичной дипломатии стали говорить с **середины прошлого века**. Обычный приём публичной дипломатии – обращение к общественному мнению той или иной страны через головы правительств. Послы «вышли в народ». В стране пребывания они стали активно выступать в прессе, по радио и телевидению, излагать позицию своей страны в законодательных собраниях. Дипломаты оттачивают искусство дискутировать, убеждать и переубеждать. В весьма упрощенной трактовке публичную дипломатию называют неким синтезом ценностей, пропаганды и маркетинговых технологий. Однако в действительности это гораздо более сложный институт. Конечно, умелое использование законов рынка приносит свои плоды. Например, итальянский МИД предложил удачный маркетинговый ход – проводить за рубежом выставки и ярмарки, используя название известного во всем мире фильма Ф. Феллини «Долче вита». Однако от маркетинга, т.е. набора средств, входящих в рекламное продвижение товара при полном отсутствии взаимного обмена идеями, публичную дипломатию отличает интерактивный диалог. Используя этот диалог, мы приобретаем сторонников и союзников и гуманизируем образ собственной страны» [3].

Первый этап трансформации СМИ, таким образом, происходил по законам жанра рынка: СМИ превращались в рыночный продукт, чья общественная значимость уменьшалась, а экономическая – увеличивалась.

Следующий этап – превращения СМИ как преимущественно экономического средства в конце XX в. в преимущественно **политическое средств**. Об этом Т. Зонова также образно написала: «Потребность привлечения общественности на свою сторону в условиях мгновенного распространения информации, равно как и дезинформации, стала особенно значимой. Публичная дипломатия пополнилась общением в социальных сетях. Родился новый термин – «твиломаси». Твиттер и другие социальные сети стали использоваться внешнеполитическими ведомствами. Президенты, премьеры, министры, главы внешнеполитических ведомств, послы выходят в социальные сети и становятся «тви-пломатами». Форин-офис создал специальную «интернет-гавань» (hub), оказывающую техниче-

Разница в характере деятельности СМИ в XX и XXI в.

ское содействие своим «твипломатам» и разрабатывающую **цифровые стратегии внешней политики**. Французское агентство «Франс-Пресс» (AFP) занялось мониторингом в реальном времени влияния в сети государственных акторов, занимающихся публичной дипломатией. Данные учитывают количество фолловеров официальных лиц и экспертов. Для **США таких фолловеров насчитывается** около 43 млн человек, для России – 2,5 млн. Стоит всерьёз задуматься о причинах такого разрыва» [3].

Таким образом в начале XXI в. СМИ, включая сетевые, превратилась в важнейшие политические инструменты, с помощью которых

можно было добиться важнейших целей, которые решались прежде другими (экономическими, военными, финансовыми) политическими инструментами. Такое резкое усиление значения СМИ, а также качественное изменение их роли в политике государств в XXI в. является прежде всего следствием двух процессов, дальнейшее развитие которых будет в еще большей степени усиливать как значение, так и роль СМИ в политике государств – резкого усиления значения человека, его потенциала, во-первых, и технологической революции в области информатики, во-вторых.

Список литературы

1. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. – М.: МГИМО-Университет, 2014.
2. Долинский А. Дискурс о публичной дипломатии / Журнал «Международные процессы». 2011. Т. 9. № 1(25).
3. Зонова Т. Публичная дипломатия и ее акторы / Эл. ресурс РСМД, 2012. 7 августа / http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681#top-content
4. Зонова Т.В. Дипломатия: модели, формы, методы / Т.В. Зонова. – М.: Аспект Пресс, 2013.
5. Краткая российская энциклопедия: в 3-х т. – М.: Большая российская энциклопедия ОНИКС 21 век. 2003. Т. 1.
6. Кто стоит за лицами, публикующими персональные сведения о российских лётчиках, участвующих в контртеррористической операции в Сирии / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2015. 29 октября / <http://topwar.ru/>
7. Лебедева М.М. Мировая политика. 3-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2015.
8. Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 2. – М.: МГИМО-Университет, 2012.
9. Подберезкин А.И. Развитие сценариев международной обстановки после 2021 года. – М.: МГИМО-Университет, 2015.
10. Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. – М.: МГИМО-Университет, 2015.
11. Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 19–73.
12. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. – М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. I. С. 51–76.
13. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. – М.: МГИМО-Университет, 2015.
14. Цветкова Н.А., Кубышкин А.И. Публичная дипломатия США. – М.: Аспект Пресс, 2012.
15. Школа общественного дипломата. Материалы 1-ой встречи / Эл. ресурс: «Над миром» / <http://nadmirom.ru/shkola-obshhestvennogo-diplomata/>
16. The National Military Strategy of the United States of America. June. 2015. Wash.: DOD, 2015.

Проект № 15-37-11128 «Структура, формы и методы взаимодействия официальной и публичной дипломатии для противодействия угрозам национальной безопасности России».

Об авторах

Подберёзкин Алексей Иванович – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Жуков Артем Владимирович – аспирант МГИМО МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

PUBLIC DIPLOMACY IN POWER CLASH OF CIVILIZATIONS

A.I. Podberezkin, A.V. Zhukov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *In the article, public diplomacy is seen as a set of actions committed by official and unofficial organs of the state, to achieve foreign policy goals through the dissemination of information (disinformation) or create the necessary impact on the ruling circles and the public in foreign countries. According to the authors, public diplomacy has become an integral part of network-centric hybrid war, in which the role of the information against the enemy becomes decisive. At the beginning of the XXI century media, including network, it has become the most important policy tools with which you can achieve the most important goals that were decided before the other (economic, military, financial) policy instruments. Such a sharp increase in the values of the media, as well as a qualitative change in their role in the policy of the XXI century is primarily the result of two processes, the further development of which will be an even greater extent to enhance the value and role of media in politics States - a sharp increase in the value of man, its capacity, firstly, and the technological revolution in the field of science, and second.*

Key words: public diplomacy, network centered war, the media information.

References

1. Long-term forecasting of development of the international situation: the analytic. report. Moscow.: MGIMO-University, 2014.
2. Dolinskiy A Discourse on Public Diplomacy. International Processes. Vol. 2011. 9. № 1 (25).
3. Zonova T. Public Diplomacy and its actors. Resource INF, 2012. August 7 / http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681#top-content
4. Zonova T. Diplomacy: models, forms, methods. Moscow.: Aspect Press, 2013.
5. Short Russian Encyclopedia. Moscow: Great Russian Encyclopedia. 21st century. 2003. T. 1.
6. Who is behind the faces that publish personal information about Russian pilots involved in counter-terrorist operations in Syria / El. Resource: "Military Review". 2015 October 29 / <http://topwar.ru/>
7. Lebedeva MM World politics. 3rd ed. Moscow. : KNORUS, 2015.
8. Podberezkin A.I. National human capital. In 5 vol. Vol. 2. Moscow: MGIMO-University, 2012.
9. Podberezkin A.I. Development scenarios of the international situation after 2021. Moscow: MGIMO-University, 2015.
10. Podberezkin A.I. The Third World War against Russia: an introduction to the study. Moscow: MGIMO-University, 2015.
11. Podberezkin A.I., Kharkevich MV War and Peace in the XXI century: the experience of long-term forecasting of international relations. Moscow: MGIMO-University, 2015. P. 19-73.
12. Podberezkin A.I. Strategic planning and forecasting of foreign and de-fense policy: a monograph in 2 volumes. Moscow: MGIMO-University, 2015. Vol. I. P. 51-76.
13. Podberezkin A.I. Strategic planning and forecasting of foreign and de-fense policy: a monograph in 2 volumes. Moscow.: MGIMO-University, 2015.
14. Tsvetkova NA, Kubyshkin AI. US public diplomacy. Moscow: Aspect Press, 2012.
15. School of Public Diplomacy. Proceedings of the 1st Meeting / E. Source: "The world» / <http://nadmirom.ru/shkola-obshhestvennogo-diplomata/>
16. The National Military Strategy of the United States of America. June. 2015. Wash. : DOD, 2015.

About the authors

Alexei I. Podberezkin – Doctor of Economics, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Artem V. Zhukov – post-graduate MGIMO Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.